

С. Б. ОКУНЬ

История СССР. Годы 1796–1856

<Фрагмент>

<...> Большинство мемуарных источников, а это единственный вид источника об убийстве Павла, называют инициатором дворцового заговора Никиту Петровича Панина. Кроме Панина в числе инициаторов заговора называют еще графа Палена и адмирала де Рибаса. Кто из троих в действительности первый выдвинул мысль о необходимости убрать Павла — мало меняет сущность дела. Бесспорным является лишь тот факт, что Панин с момента оформления основного ядра заговорщиков, до своей высылки из Петербурга, т. е. до второй половины декабря 1800 г., являлся руководителем заговора. Момент возникновения заговора также не может быть установлен с полной точностью. Во всяком случае, участие в организации дворцового заговора английского посла Витворта говорит о том, что заговор начал оформляться еще к началу 1800 г., так как Витворт уже в конце мая 1800 г. был выслан из Петербурга.

По свидетельству ряда современников, активная роль Англии в заговоре против Павла устанавливается с полной очевидностью. Правда, некоторые из современников, как, например, барон Гейкинг¹, высказываются в этом смысле весьма осторожно. «Английская партия, — говорит он, — была, может быть, не бездеятельна». Другие мемуаристы более прямолинейны. Панчулидзеv, автор «Истории кавалергардов»², приводит следующий отрывок из записок некоего А. Н. В.: Павел I «поссорился со многими государствами и хотел пяти или шести из них вдруг объявить войну, а паче всех он раздражил Англию до такой степени, что она-то ему и нанесла последний смертельный удар. Послом этой державы при дворе петербургском был Витворт. Не знаю, из Англии ли сообщена ему мысль об убийстве императора Павла, или она родилась в петербургском его приятельском обществе и подкреплена из Лондона денежными пособиями, но знаю,

что первый заговор о том сделан между им и Ольгой Александровной Жеребцовой, сестрой Зубовых, с которой он имел любовную связь. Они решили посоветоваться об этом с гр. Паниным».

Главенствующая роль в заговоре Панина и участие в нем Витворта не противоречат друг другу. Панин был близко связан с английским послом. Как вице-канцлер Панин часто встречался с Витвортом на официальной почве, а англофильские убеждения Панина сближали их более интимно. В противоположность Ростопчину Панин был противником разрыва с Англией, что и привело его к опале. О том, сколь крепки были связи с Англией у некоторых русских сановников и сколь сочувствовало английское правительство тому кругу лиц, который находился в оппозиции к павловским мероприятиям, можно судить по письму графа Кочубея русскому послу в Лондоне Воронцову. «Если вам нужно сообщить мне что-нибудь тайно, — пишет Кочубей, — то пользуйтесь английскими курьерами и пишите лимонным соком».

Отъезд Витворта из Петербурга не мешает ему влиять на дальнейшее развитие заговора. Витворт, живя в Берлине, имел непосредственную переписку с Жеребцовой, сестрой активного участника заговора Зубова. Наконец, английское влияние осуществлялось через графа Воронцова, опального посла при английском дворе, который после дипломатического разрыва с Россией и Англией предпочел остаться в Лондоне. 5 (17) февраля 1801 г., т. е. почти за месяц до убийства Павла, Воронцов послал Новосильцеву написанное симпатическими чернилами письмо, где аллегорически изображает Россию в виде тонущего в бурю корабля, капитан которого сошел с ума. «Я уверен, — пишет Воронцов, — что корабль потонет, но вы говорите, что есть надежда быть спасенными потому, что помощник капитана — молодой человек рассудительный и кроткий, к которому экипаж питает доверие. Я заклинаю вас возвратиться на палубу и внушить молодому человеку и матросам, что они должны спасти корабль, который частью, равно и груз, принадлежит молодому человеку, что их 30 против одного и что смешно бояться быть убитому этим безумцем-капитаном, когда через несколько времени все и он сам будем потоплены этим сумасшедшим». Письмо не оставляет никаких сомнений в отношении замыслов его автора, тем более что оно адресовано Новосильцеву, человеку близкому к Александру.

Характерны слухи, распространившиеся впоследствии о денежных суммах, которые ассигновались Англией для оплаты «за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола». Князь Лопухин³ рассказывает, что за несколько дней до событий 11 марта Жеребцова выехала в Берлин. По получении в Берлине

известий об убийстве Павла она сразу отправилась в Лондон, где якобы получила для заговорщиков 2 миллиона рублей. Эти деньги Жеребцова, по словам Лопухина, задержала у себя, «будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения». Соответствует ли это истине — трудно сказать, во всяком случае характерно мнение современников о непосредственном участии английского правительства в заговоре против Павла.

Глубоко ошибочным, однако, было бы представление об убийстве Павла как о простой расправе Англии с русским царем за выход России из коалиции. Заинтересованность Англии имела значение, особенно в первый момент оформления заговора, но корни заговора лежали значительно глубже. Неопределенные разговоры английского посла о необходимости убрать Павла могли воплотиться в жизнь лишь потому, что они встретили единодушную поддержку в придворных и офицерских кругах. Не следует также сводить совпадение интересов этой части дворянства с интересами английских правительственных кругов лишь к экономической взаимосвязанности русских помещиков с английским рынком. Бесспорно, что разрыв с Англией больно ударил по карману русского помещика, ущемляя его и как экспортера, и как потребителя. Торговля с Англией была единственным источником, откуда Россия получала все необходимое. Одновременно эта же торговля обеспечивала помещикам и верное получение доходов от экспорта из их поместий — хлеба, корабельного леса, сала, пеньки, льна и пр.

Но наряду с этим не следует забывать, что разрыв с Англией был вызван опять-таки интересами тех же помещиков. Разрыв с Англией был связан с проблемой Ближнего Востока, борьбой за обладание проливами. Сам по себе разрыв с Англией, хотя он и бил непосредственно по карману русского помещика, не мог привести к событиям 11 марта. Как ни тяжел был разрыв с Англией для русского помещика после Тильзита, все-таки дворянская «оппозиция» послетильзитской политике Александра I дальше нескольких писем, наполненных угрозами, не пошла. Ведь разрыв с Англией после Тильзита продолжался почти пять лет, в то время как убийство Павла последовало немногим меньше, чем через пять месяцев после наложения эмбарго на английские товары.

Характерно, что и Александр, активный участник заговора, не воспринял события 11 марта как результат разрыва с Англией. На одном из первых заседаний так называемого «интимного комитета» Александр высказался в пользу коалиции против Англии. Это было 1 (13) июня 1801 г., когда уже прошел вполне достаточный срок для того, чтобы разобраться в истинных намерениях тех людей, которые

возвели Александра на престол. Таким образом, расценивая разрыв с Англией как один из элементов, способствовавших возникновению заговора, мы должны присоединить к ним и ряд других обстоятельств. Не последнее место занимает среди них деспотический режим Павла, вызывавший крайнее раздражение даже в непосредственном дворцовом окружении.

Процесс централизации государственного аппарата и усиления бюрократии, который с особенной рельефностью сказывается в павловские времена, в сочетании с личным деспотизмом Павла, в представлении его современников вырастал в подлинную восточную тиранию. Исходя из этих настроений, Пыпин в «Общественном движении при Александре I» пишет, что Павел понимал свою власть как Гарун-аль-Рашид. У современников эта мысль проскальзывает неоднократно. Это именно имеет в виду Завадовский⁴, заявлявший в одном из писем к Воронцову, что павловское царствование повторяло «зады Иоанна Грозного». То же самое в сущности, несколько позднее, утверждал в «Записке о древней и новой России» Карамзин, писавший, что Павел «начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти».

Для части заговорщиков, в том числе и для Панина, выход из создавшегося положения мыслился в установлении определенных рамок, ограничивающих личный произвол царя и тем самым обеспечивающих господствующий класс от каких бы то ни было случайностей. Поэтому панинский план, очевидно, предусматривал не только устранение Павла с престола, но и введение законодательным путем, через Сенат, соответствующих законоположений.

Вначале Панин предполагал учредить, по образцу Англии и Дании, над Павлом регентство и регентом объявить Александра. Но этот план в самом начале наталкивался на непреодолимые организационные препятствия, не говоря уже о том, что ему не только не сочувствовало, но даже резко сопротивлялось большинство заговорщиков. Придание регентству законного характера, а затем принятие последующих мер для ограничения произвола монарха требовали проведения соответствующих законов через Сенат. Но это было явно неосуществимо. Пален впоследствии разъяснил, почему от этой мысли пришлось отказаться в тот же момент, когда она и возникла. «Мы хотели заставить государя отречься от престола, и граф Панин одобрил этот план. Первою нашею мыслью было воспользоваться для этой цели Сенатом, но большинство сенаторов — болваны, без души, без воодушевления». Слухи о том, что Панин имел в виду установление каких-то ограничительных моментов для власти государя, и о том, что сразу по вступлении на престол Александра он делал ему соот-

ветствующие предложения, весьма были распространены. О них впоследствии неоднократно упоминали декабристы. Об этом пишет декабрист Лунин⁵, который добавляет, что те из заговорщиков, которые желали только перемены государя, были награждены, те же, которые искали «прочного устройства», были «отдалены навек».

Заговор против Павла, таким образом, объединил не только недовольных его внешней политикой, но и тех, кто стремился к установлению рамок для неограниченной власти монарха, сторонников аристократической конституции. Но были причины, которые способствовали присоединению к заговору и значительной массы гвардейских офицеров. Эта группа заговорщиков руководствовалась в первую очередь неприязнью и личной ненавистью к Павлу. К этой же группе заговорщиков, впрочем, относятся и более высокопоставленные лица вроде Палена, Беннигсена и др., вряд ли рисковавших собою во имя интересов российского дворянства и стремлений его к полному господству. Правда, впоследствии, когда Александр выслал почти всех участников заговора, претендовавших на роль и влияние при дворе, Пален пытался себя представить пострадавшим за интересы дворянства и свое имя постоянно связывал с Паниным. Но, конечно, мотивы участия Палена в убийстве Павла были совсем другие, чем у сторонника аристократической конституции и убежденного англофила Панина. Один современник совершенно правильно характеризует причины, толкнувшие этого всесильного временщика на участие в заговоре: «Пален не думал бы о смене монарха, если бы не был убежден, что благодаря непостоянству императора ему самому, рано или поздно, предстоит падение и что чем выше его положение, тем ниже ему придется пасть». В беседе с бароном Гейкингом, сразу после убийства Павла, Пален сказал, что перед ним и другими участниками заговора «оставалась только одна альтернатива: или избавить мир от чудовища, или же вскоре увидеть себя, а может быть и часть императорской семьи, жертвами следующей ступени злобы».

На это отсутствие уверенности в завтрашнем дне, столь характерное для придворных кругов и гвардии в павловское царствование, открыто намекает Державин в оде на восшествие на престол Александра I:

Что престол, венец, держава,
Власть, сила и сиянье благ,
Когда спокойного нет нрава
И в нас свирепствует наш враг.
Увы. На что полки и стены
Коль нас невинность не стрежет.

Страх за свою судьбу, неуверенность в завтрашнем дне толкали Палена и подобных ему царедворцев на мысль о необходимости убрать Павла. Надо сказать, впрочем, что заговорщики, до последнего момента, не были уверены в том, что Пален их не предаст. Уже перед самым убийством Павла, когда Пален несколько запоздал придти к условленному сроку во дворец, среди заговорщиков воцарилась паника. Они были уверены, что сейчас Пален явится их арестовать и тем самым добьется у Павла неограниченного доверия. В последнюю минуту, по-видимому, Пален все же рассчитал, что быть фаворитом Павла более опасно, чем участвовать в заговоре.

Заговор, как мы видим, объединил совершенно разнородные элементы дворянства. Сколь ни различны были их мотивы участия в заговоре, все они сошлись в одном — на необходимости избавиться от Павла. «Павел был упрям, капризен, сумасброден; — пишет Энгельс, — он ежеминутно расстраивал планы дипломатов; он становился невыносим, его надо было устранить». Рассматривая причины цареубийства 11 марта, нельзя обойти молчанием совершенно неверной оценки этого факта со стороны М. Н. Покровского. В заговорщиках 11 марта Покровский видит предшественников восстания 14 декабря 1825 г. Убийцы Павла, по его характеристике, — это духовные отцы декабристов. «Павел пал жертвою дворянского заговора, — пишет Покровский. — Этот заговор становится исходной точкой дворянского оппозиционного движения, наполняющего собою все первое десятилетие XIX в. и преемственно связанного с другим заговором, по составу участников тоже с дворянским — заговором декабристов». Для того чтобы доказать преемственность между участниками заговора 11 марта и декабристами, Покровскому прежде всего надо было как-то оторвать его от всех предшествующих дворцовых переворотов. Это отличие он усматривает в том, что «раньше просто и грубо, без иллюзий охранялись классовые интересы дворянства», а теперь «это крайне материальная сама по себе задача начинает освещаться поэтическим ореолом. Борьба с деспотизмом, вредным для помещиков, начинает сознаваться, как борьба против деспотизма вообще». Но, видя в заговоре 11 марта, равно как и в восстании декабристов, отличие от дворцовых переворотов лишь в «самосознании» их участников, Покровский тем самым сводит и восстание 14 декабря к «расширенному» дворцовому перевороту, ибо суть всякого восстания не в «самосознании» его участников, а в объективных задачах, которые они перед собою ставят. Участники заговора 11 марта не ставили перед собою никаких задач социального преобразования. Даже панинские проекты какого-то ограничения монарха имели своею целью лишь предупреждение тирании, но не ограничение самовластия.

Все свои предположения о преемственности между декабристами и участниками заговора против Павла Покровский строит на фактах, абсолютно ничего не подтверждающих. В мемуарах одного участника заговора есть указание, что во время ужина заговорщиков накануне убийства Павла какой-то полковник заявил, что недостаточно устранить одного Павла и что для России было бы гораздо лучше, если бы можно было избавиться от всех членов этого семейства. Подобное заявление, которое никем не было поддержано, отнюдь не может служить основанием для характеристики участников убийства Павла как предтечей декабристов.

Еще менее убедителен второй довод в пользу этой точки зрения, правда, Покровским не использованный, но фигурирующий у других историков, стоящих на его точке зрения. В записках декабриста Фонвизина⁶ дана следующая характеристика собраний заговорщиков у Жеребцовой, у Панина и др. Эти вечерние собрания, по словам Фонвизина, «походили на настоящие политические клубы, в которых единственным предметом разговора было тяжкое положение России, страдавшей под гнетом безумного самовластия». Но от разговоров о самовластии, которые якобы велись на этих собраниях, и даже от борьбы с самовластием Павла еще очень далеко до борьбы с самовластием вообще, которое характерно для декабристов. Да и сами эти сведения вызывают серьезное сомнение. Мог ли Фонвизин, которому было тогда 13 лет, знать, что делалось у Панина и у Жеребцовой.

В корне неверная оценка заговора 11 марта является следствием непонимания Покровским сути движения декабристов, его антиленинской концепцией в этом вопросе. Подобной точкой зрения Покровский не отрывает, как он думает, события 11 марта 1801 г. и 14 декабря 1825 г. от дворцовых переворотов XVIII в., а в сущности сводит к этому и восстание декабристов. А о том, что эта позиция Покровского является для него не случайной, можно судить по его оценке уже непосредственно самого восстания декабристов. Характеризуя программу Северного общества, Покровский утверждает, что «все это было очень близко, и поперек дороги стояла только упрямая фельдфебельская фигура Николая Павловича. Эту фигуру решено было убрать во что бы то ни стало». Таким образом, восстание 14 декабря Покровский до известной степени уподобляет заговору 11 марта, выпячивая борьбу с ненавистной «фигурой» на русском престоле, т. е. то, что является характерным моментом дворцовых переворотов. Как же был фактически организован заговор против Павла и как протекали события?

Особенно широкие размеры принял заговор осенью 1800 г. В ряды заговорщиков в это время вошли братья Зубовы, Беннигсен, командир

Преображенского полка Талызин⁷ и много офицеров гвардейских полков. Во второй половине декабря Панин был выслан из Петербурга. После его отъезда всякие разговоры о регентстве среди заговорщиков прекращаются. В центре заговора стал Пален, принимавший все меры, чтобы, с одной стороны, усилить недовольство населения Павлом, а с другой стороны — увеличить число участников заговора. Вызов в столицу всех исключенных с военной службы офицеров для представления их перед возвращением в полки царю был одним из таких провокационных поступков. Из вызванных в Петербург бывших офицеров лишь немногие были приняты Павлом, остальные слонялись без дела, увеличивая число недовольных в столице.

Но окончательное завершение заговора требовало не только увеличения числа заговорщиков и вообще недовольных павловским режимом. Нужно было согласие Александра, т. е. того лица, во имя которого предполагалось совершить переворот. По свидетельству некоторых современников, Александр, узнав о существовании заговора, в течение шести месяцев колебался, не давая окончательного согласия на устранение Павла. Но «колебания» эти нисколько не мешали заговорщикам активно готовиться к перевороту. Вряд ли кто-нибудь принимал их всерьез. Еще раньше, когда Екатерина собиралась отстранить Павла и возвести Александра, ей не пришлось долго уговаривать своего внука. Вообще, как писал еще в 1798 г. Ростопчин Воронцову, «великий князь Александр во многом виноват перед своим отцом». Об этом все знали, а потому колебаниям Александра придавали такое же значение, как рыданиям невесты накануне венца.

Решающее свидание между Александром и Паниным, который тогда еще находился в Петербурге, произошло уже в сентябре 1800 г. Это было знаменитое свидание в ванной комнате. После отъезда Панина, как рассказывает близкий к Александру Чарторыжский, все переговоры с Александром вел Пален. Для того чтобы в будущем иметь возможность отрицать причастность Александра к самому факту убийства Павла, Пален дал Александру обещание, что на жизнь его отца посягательств не будет. «Я дал ему это обещание, — говорил впоследствии Пален, — я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно. Но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя. Я наружно соглашался с его намерениями, хотя был убежден, что они невыполнимы». В выполнимость этого обещания, впрочем, не верил и сам Александр. Разговор Палена с Александром был по существу хитрой дипломатической игрой старого царедворца и готовившегося занять престол государя, смысл которой прекрасно понимал и тот и другой.

Согласие Александра на устранение Павла от престола завершает организационный период заговора. Отныне выполнение планов заговорщиков стало только вопросом времени. Был, правда, момент, когда заговор, уже совершенно подготовленный, чуть не сорвался. Это было 7 марта — за четыре дня до убийства Павла. Пален после очередного доклада у Павла собирался уходить. Внезапно он был остановлен окриком Павла, который неожиданно в чрезвычайно резких выражениях начал допрашивать Палена, был ли он в Петербурге в 1762 г. во время переворота, лишившего престола и жизни отца Павла <...>. После этого разговора, показывавшего, что у Павла уже появились некоторые подозрения, Пален стал настаивать на немедленных действиях. Однако Александр не согласился с этим предложением. Он задерживает убийство Павла еще на несколько дней, но не потому, что в нем заговорила совесть, а потому, что считал необходимым дождаться того дня, когда караул во дворце будет нести третий батальон Семеновского полка, в котором Александр был уверен больше, чем в других частях.

Убийство Павла было намечено в ночь с 11 на 12 марта. Пален принял все меры предосторожности. Внутренний караул в Михайловском дворце, где жил Павел, в эту ночь должны были занимать конногвардейцы под командой офицера Саблукова. К заговору Саблуков не был причастен и его присутствие во дворце для заговорщиков было очень опасным. Поэтому Пален уговорил Павла вечером 11-го удалить из дворца конногвардейцев на том основании, что они «якобинцы». Во дворец были поставлены караулы Семеновского и Преображенского полков. Для того чтобы никто из офицеров-заговорщиков не вздумал в последний момент отказаться от участия в заговоре, Пален прибег к новой провокации. Офицеры всех полков были вызваны 11 марта, после очередного вахт-парада, на квартиру к Палену, где он якобы от имени Павла заявил им, что государь недоволен их службой и что если подобное «нерадение» к службе будет замечено вновь, они будут разосланы по таким местам, где и костей своих не соберут. Пален принял также меры, чтобы не пустить в город Аракчеева, который был вызван Павлом. Заставы в эту ночь были заперты раньше обычного, и Аракчееву так и не удалось попасть в город. Были приняты меры и для ареста близких к Павлу лиц.

О заговоре вообще и о часе его выполнения было оповещено, очевидно, подавляющее большинство так называемого «большого света». Рассказывают, что в эту ночь у княгини Белозерской⁸ собралось за ужином многочисленное общество. В начале первого часа ночи одни из гостей, взглянув на часы, сказал: «Великому госуда-

рю в эту минуту не очень-то по себе». Никто из присутствующих не задал никакого вопроса — всем было ясно, в чем дело. А великому государю действительно приходилось в этот момент скверно. Около полуночи человек 60 (по другим сведениям 180) участников заговора пересекли Марсово поле, переправились через замерзшие рвы и, разоружив не оказавшую сопротивления наружную охрану, проникли во дворец. В комнату Павла заговорщики, разбившись на две группы, шли разными путями. В первой группе были Платон и Николай Зубовы, Бенигсен и др. Когда после некоторого замешательства у дверей заговорщики ворвались в спальню, они к своему величайшему ужасу увидели, что кровать пуста. Они решили, что Павел бежал через потайную дверь в караульное помещение. Эти опасения, однако, немедленно рассеялись. На ширме виднелся силуэт скорченной фигурки перепуганного императора, резко очерченной горящим ночником. Сведения, сообщаемые в некоторых мемуарах о том, что заговорщики долгое время препирались с Павлом, пытаясь заставить его подписать отречение и тем самым спасти свою жизнь, маловероятны. Никто из присутствовавших в спальне не собирался сохранить Павлу жизнь, да и сам Пален, отправляя их во дворец, дал им краткое, но вполне ясное напутствие: «Помните, господа, что, для того чтобы съесть яичницу, надо прежде всего разбить яйца». Расправа с Павлом продолжалась очень недолго, так как подоспевшая вторая партия заговорщиков перепугала первую, решившую, что явился кем-либо вызванный караул. В суматохе некоторые бросились бежать, затем возвратились обратно, кто-то сбросил ночник, и в темноте с Павлом прикончили. Говорят, что шарф офицера Скарятин⁹ и табакерка Зубова были главными орудиями убийства Павла. «Они толкали его ногами, — рассказывает Саблуков, — топтали и на всякие лады уродовали несчастный труп, так что врачам и художникам не легко было препарировать тело, чтобы оно, по обычаю, могло быть на некоторое время выставлено публично. Я видел государя на его парадной постели. Лицо его, хотя искусно покрашенное, было черное и синее, шляпа была надета так, чтобы по возможности покрывать левый глаз и левый висок, которые были у него разбиты». Греч, в то время еще мальчик, рассказывает, как он ходил прощаться с императором Павлом. Вокруг гроба тесной стеной стояли солдаты, не дававшие ни на минуту останавливаться. Несколько раз Греч проходил мимо гроба, но кроме подошв царских ботфортов и низко надвинутой треуголки ничего так «узреть» и не мог. 12 марта на престоле был Александр I. Для свержения павловского режима, как сказал Ланжерон, понадобилось всего два часа.